

Время пить Херши

Как рождаются Боги

16+

Александр Токарев

Александр Токарев

**Время пить Херши.
Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Токарев А. В.

Время пить Херши. Сборник рассказов / А. В. Токарев —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-1720-4

Эта книга о судьбах людей, в частности, о нас, живших в лихолетье 90-х, когда в рекламных слоганах звучало: «Время пить Херши». Это было время, когда вернулся барин, робкий бухгалтер на миг стал олигархом и ловеласом, перед которым танцевала при луне голая пастушка Гутя, а веселый Семёнов сжег из зависти соседский лимузин, пока Василий Васильевич смотрел на обнажённую Луну. Здесь и о счастливой любви бомжа Копчёного к богатой девушке Саньке, и том, как рождаются Боги – новые жители Вселенной, и о событиях, которые случились в деревне вампиров. Но главное место уделено дороге среди чёрных междюнных озёр и Пашкиному пути в Игарку.

ISBN 978-5-5321-1720-4

© Токарев А. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Копченный и Шаман	5
Дом на проклятом месте	12
Сумасшедший	15
Выбор	18
Последняя весна	21
Защита от ненависти	25
Безумная Софья	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Копченый и Шаман

1

День уходил. Солнце, краснея от мороза, зацепилось за Паленый бугор, осело и скрылось в дрожащей дымке. На синий жестяной наст опустился туман, пахнувший застоявшейся в оврагах прелью и нагретой за день еловой хвоей.

Копченый, сутулый, одетый в две рваные телогрейки и мягкие заплатанные валенки, спустился с высокого лесного берега и пошел по льду к островам, где его, может быть, ждали тепло и еда. Он был не один. За ним, царапая наст тупыми когтями, осторожно и устало трусил Шаман – старая дворняга.

Они понимали друг друга в простой и единственной цели – прожить ночь и встретить утро, которое дает силы и надежду. Дома у них не было, и поэтому Копченый иногда задумывался над тем, что держит рядом с ним Шамана? Тот, наверное, тоже задумывался. Ведь в собачьей несложной жизни, кроме хозяина, должны быть дом, будка, миска с выбеленной фарфоровой костью. Все это надо охранять и рваться в злобной хрипote на стук открываемой калитки, мерзлый скрип сапог пьяного ночного прохожего. А морозным утром, когда шерсть индевеет и сладко спится в щелястой будке, хозяйского пса должно будить свежее и вроде бы грубое: «Я тебе, кобелина вислобрюхая!.. Спишь?!». Не обмануть дворового сторожа напускной злобностью. Он знает, что все это для соблюдения порядка – извечного договора между собакой и человеком. Стукнет мятая дюралевая миска, и в нее плюхнутся остатки простой деревенской еды, остро пахнувшей на морозе.

Шаман сейчас этого не имел, но жил рядом с Копченым, тоже лишенным своей будки и фарфоровой кости. Почему? Копченый обычно думал об этом недолго, вскользь, но, не признаваясь себе в благодарности за собачью преданность, отдавал Шаману последний хлеб.

Копченым Алексея прозвали местные люди за печную гарь на лице и руках, проникшую в кожу. Пришлого, его недолюбливали. Может быть, из-за молчаливой скрытности и какой-то непростоты под внешностью бродяги. Отгораживаясь от пьяного глумливого запанибратства, принятого в обиходе местных людей, он, бывало, глотая слюну, отказывался от протянутой ему в кружке водки, чувствуя за этим издевку и нехорошее любопытство. Но не мог отказаться от еды. Терпеливо ждал, останется ли в котелке пустая похлебка из концентратов? Если оставалась, то он доедал ее своей деревянной ложкой, кормил гущей и хлебом Шамана из своей же тарелки. Потом, молча, ложился на пол у печи. На нары его не пускали, нарочито зажимая нос. К нему приходил Шаман, грел его худую спину своей вытертой и теплой спиной. Пес тяжело вздыхал до полуночи, пуская с хлеба «злого духа», как старый больной человек. Тогда его, покорного, выпинавали на улицу, и Копченый, молча, стискивал зубы.

Они ночевали, где придется. Больше – на островах, в низких рыбацких землянках-норах, которые шел почти каждый остров.

Острова эти проклятием человеку торчали из нездоровой воды водохранилища, которое покрыло на корню боровой живой лес, заливные луга, церкви, кладбища. Зимой водохранилище превращалось в немеряные километры прожилистого двойного льда. Если пробить лед, то из-под него тяжело выдыхало гниющей древесиной.

Светлыми ночами, когда при луне мертвые деревья, казалось, двигались, бросая на лед ломаные тени, Копченый и Шаман проверяли морды. В них попадались скользкие ротаны-головешки. Тогда друзья пировали – ели уху с картошкой и пористым пшеничным хлебом. Мясо у ротанов белое и сочное. Разварная рыба остывала в миске Копченого. Шаман косил на нее блестящим от печного пламени глазом и раздувал пупырчатые влажные ноздри.

Рыбу Копченый отдавал за продукты и ночевку в деревне. Если на флажки-жерлицы попадалась щука, то можно было взять на обмен картошки, хлеба, вина, помыться в бане. Но это бывало редко. Копченый не умел ловить рыбу.

Этим морозным вечером землянки были заняты. Обойдя их впустую, Копченый и Шаман пошли ночевать в осиновое и берёзовое густолесье на высоком острове.

Становилось холоднее. Шаман, фыркая, вырыл в снегу яму и, свернувшись, лег, ожидая костра. Копченый завалил топором несколько берез. Пробив наст, докопался рукавицами до земли, выложив рядом со снеговой стеной нары из березовых стволов. Сходя в низину у кромки острова, он наломал там тонких деревьев, подмытых по открытой воде прибойной волной и омертвевших на корню. Почти на ощупь отыскал сухой пенек – след звонких сосновых боров, когда-то шумевших здесь. Расщепив его, он принес остро пахнущее смоле к нарам и разжег костер. Отблеск пламени лег на снег и зажегся недобро в глазах Шамана. Пес зевнул, отряхивая снег, и пошел к костру, лег на нары, грея мерзлое дерево.

Они поели умятой в котелке вареной картошки с солью и хлебом. А потом Копченый, знобясь от томительного нетерпения, повесил над костром маленькую задымленную кастрюльку с проволочной дужкой. В воздухе повис терпкий дух чая-чефира. Шаман скучно отвернулся. А Копченый, обжигая треснувшие губы, жадно проглатывал горький чайный отвар, от которого жгло в желудке, билось учащенно сердце, и подходила нездоровая, но почему-то желаемая легкость. И вновь, как это случалось обычно вечерами, когда уже не надо было куда-то идти, чего-то искать, Алексей вспоминал обидное, болезненное, но свое, кровь от крови. Бередил, щипал заросшую рану в душе, и от этого ему было слезно и приятно. Он машинально подбрасывал в угли шипящие сырые березовые обрубки, чтобы обсохли, и возвращался к своим мыслям, в которых становился вновь Алексеем.

«Эх, братка-братка. Как же ты меня под сердце, больно... Ты, конечно, начальник, с пистолетом. Мент, как зовут оглоеды. Я что, вы с мамкой меня за полчеловека держали, за пьяницу. Мол, урод в семье – работать не хочет, жениться не хочет. Все бы только в подворотне сигареты стрелять, в магазине отираться. Так и есть. Права мамка, и ты, брат, не промахнулся. Согласен. Но только пойми, не пропил я еще свою совесть, не дошел до подлости последней – у мамки похоронные деньги из-под подушки вытянуть. Кто это сделал, не знаю. Пойми ты это, братка... Да разве тебе понять при твоей-то работе? А мамка тебя послушала и поверила, что это я... Она тебе с детства верила. Ты всегда рос такой воспитанный, послушный. Братка-братка, зачем тебе это? Пистолет мне под нос, убью, мол, уезжай, шантрапа, на все четыре стороны, не позорь меня. Уехал... Где только я не был. Сейчас бы ты меня не пристращал. Сейчас не боюсь, но и домой не поеду. Все, кончился Лешка, стал Копченым. Все...».

Он всхлипнул и расслабленно ткнулся головой в собачью спину, блестящую инеем. Шаман вздохнул и завил хвостом,

А Копченый все ворошил заветное, старое. После дома и мутной ленивой жизни были вокзалы, косящиеся подозрительными взглядами скоробогатых и сыскных, грязные продымленные туалеты с разбитыми писсуарами и молодящимися педерастами.

Шаман увязался за ним в маленьком провинциальном городке. Почуял ли такого же беспородного и одинокого среди множества существ, сплетенных между собой жизненными нитями, или просто хотел есть?

Алексей впервые и неожиданно радостно ощутил свою нужность кому-то, пускай и этой дворняге с большими блестящими глазами. Шаманом он назвал пса случайно. Купив на улице сморщенных пирожков с несвежим липким мясом, он завел дворнягу во двор и положил пирожки на снег. Пес смешно подпрыгнул и, не решаясь притронуться к ним, вдруг забармил, забрежал низко и торопливо, выгнув спину с черными подпалинами и кося глазом на Алексея. «Ну, ты Шаман! – засмеялся тот. – Били тебя, что ли?». Пес заколотил хвостом и осторожно взял желтыми зубами остывший пирожок.

Вскоре Алексей завербовался в лесной поселок вальщиком. Взял с собой и Шамана. Были сначала и свой угол в общежитии-избе, и работа. Но не удержался Алексей, привык к птичьей жизни, и понесло его дальше. «Ленивый я, видимо, – извиняясь, говорил он Шаману, – пропащий». Тот, кажется, понимал его.

Здесь они жили третью зиму. И каждый год Копченый собирался строить дом, да хоть не дом – землянку, но чтоб с печкой, нарами и окошком. Он представлял ее обязательно на высоком бугре, окруженной молчаливым лесом, рядом с оранжевой зеленоглазой сосной. Копченый уже видел свое жилье: сверху на скате крыши лежит пушистый сугроб, а из-под него попыхивает дымком труба; мигает в маленьком оконце свечной огонек, теплый такой, домашний; тропинка вьется к двери среди искрящихся при луне сугробов. Здесь бы жить бабке-ведунье с черным котом. Но и Копченый похож теперь на облезлого бородатого лешака, хотя ведь он еще не старый...

Дом все откладывался. Дни начинались, гасли, и как-то обходилось все с едой и ночлегом. Летом были ягоды: черника, малина, клюква. С них на вино хватало и на жизнь. Зимой приходили высокомерные, но не жадные городские рыбаки.

Копченый все вздыхал, качался зыбкой тенью у костра, а Шаман чутко дремал, время от времени вскидываясь на треск сухой ветки, осторожный лисий шаг, писк голодной мыши под снегом. Звоном доносился из деревни всполошенный лай собак. Стервенясь на их пустой брех, синими тенями скользили в ельнике волки, еще на гону и поэтому злобно веселые. Они задирали оскаленные морды к луне, глядевшей черными неживыми глазницами.

2

С утра они раскопали в снегу двух щук, снятых с крючков дней пять назад, вымерзших и твердых, как поленья. Это был припас к банному дню.

Шаман по-стариковски неуклюже засуетился рядом с рыбинами, щелкая на них зубами и оглядываясь на Копченого. Подняв верхнюю губу, он вдруг, совсем по щенячьи, затыкал тонким проказливым подголоском.

То ли оттого, что заря выдалась в румяном бодрящем морозце, то ли потому, что к жилью им было идти сегодня, имея рыбу, – и Копченый развеселился. Он шаркнул валенком по снеговой крошке, присыпав Шамана. Тот волчком закрутился вокруг себя, пытаясь зубами ухватить свой хвост.

– Давай-давай! – со сна хрипло засмеялся Копченый, всем нутром, кожей ощущая жаркий восторг от рождения Начала – звонкого утра.

Солнце было еще за островами, но настовая корка, под берегом синяя, в открытых местах розовела, заливаясь теплым светом безраздельно. Весна, еще молодая, уже слышалась, билась «цвирканьем» синиц, дышала землей, теплым лесом и одновременно снегом.

«Морозом теперь не обманешь, – думалось Копченому, легко шагающему по насту. – Теперь живем». И – вслух:

– Живем, Шаманка!

Пес оборачивал седую индевелую морду и улыбался верхней губой.

Они поднялись крутояром и по тропе пошли в деревню.

Их пускали Худяковы, что жили с краю у оврага. В этот овраг, бывало, и скатывался Копченый, если вдруг «сам» осерчает с перепойной раздражительности. Худякова Катерина тоже не привечала их, но за рыбу, которая по зимнему времени на столе появлялась не часто, позволяла помыться в бане и там же переночевать. Ихняя дочка, Санька – любопытная разноглазая двадцатилетняя дуреха – задирала Копченого вопросами: «А ты, правда, из тюрьмы сбежал?», или: «Говорят, ты из монахов, бессилен по этому делу...». Один глаз у Саньки был обычный, а второй – словно сшитый нитками – раза в два меньше и смотрел куда-то в сто-

рону. Чем уж она переболела – неизвестно, но женихи ее обходили. И поэтому в любопытстве ее и жаркой нескромности вопросов видел Копченый, нет – Алексей, тридцативосьмилетний холостяк, скрытую тоску зрелой женщины. Он, молча, обходил ее, а Санька смеялась вслед: «Бирюк-бирюк, а сзади как мужчина!».

Копченый и Шаман прошли по обледелому мостику через овраг и остановились перед каменным домом Худяковых с каменными же воротами, подпертыми витыми столбиками.

Стукнув в ворота, Копченый взглянул в окошко. Там отдернулась кружевная занавеска, потом по деревянным перекрытиям двора застучали быстрые шаги. Калитка скрипнула, и высунулось смеющееся лицо Саньки.

– Чего тебе, мужчина?

– Мамка или отец дома?

– Нет, и неделю не будет. В городе они, торгуют.

– А-а, – Копченый повернулся и, свистнув Шамана, задиравшего хозяйского пса, пошел обратно.

– Эй, мужчина, а я тебе не хозяйка что ли? – послышалось вслед задорное. – А ну вернись, может, договоримся.

К полудню Копченый натаскал воды, раскалил осиновую баньку до одуряющего жара и, сняв с себя задубелое обветшалое белье, с закрытыми глазами кинулся в это пекло. Вначале только стоял в пару, чувствуя, как влажное тепло проникает в него, в самую глубину усталого и вымерзшего тела. Он сладко кричал, постанывал, гладил ладонями покрасневшую кожу. Потом капроновой сеткой, намыленной обычным хозяйственным мылом, принялся жестоко тереть себя, словно бы решив про запас и намыться, выдраить кожу впрок.

Вымывшись, он просто сидел и наслаждался теплом, слушая, как у баньки накормленный Шаман лязгает зубами на бегающих по двору кур.

Пар медленно расходился. Копченый потянулся и лениво встал, находясь в благодном, почти счастливом состоянии, и вдруг в щели двери увидел блестящий любопытный глаз. Прикрывшись ладонью, он распахнул дверь и едва не стукнул ручкой отпрянувшую Саньку. Минуту они стояли молча.

– Ты чего? – не выдержал Копченый,

Санька хохотнула бесстыдно.

– Проверить хотела. Говорят, ты вроде евнуха, который в гареме за ханскими женами приглядывает, а сам не может, без оружия...

– Ну и как?

– Да все на месте.

Они замолчали. Алексей шагнул вперед и, взяв за плечи неожиданно вспыхнувшую Саньку, посмотрел ей в лицо. Большой глаз молодой женщины был неумело закрашен, подведен тушью под соседний, здоровый. «Для меня», – понял Алексей. В блестящем глазу Саньки, наливавшемся слезой, за показным бесстыдством притаилась такая женская внутренняя боль, что он вздрогнул и, чувствуя невесть откуда прилившую нежность, никогда не испытанную, прикоснулся к ее влажным и полураскрытым губам. Санька задышала. Полушубок медленно сполз с ее плеч, а за ним мелькнула птицей, прошуршала тонким полотном рубашка, и вспыхнуло белизной роскошное тело Саньки.

– Мой! – жарко припала она к Алексею,

Несколько дней они жили как муж и жена. Санька словно бы затуманилась, осунулась, но заметно похорошела. И ночи их были словно в тумане, в горячем сплетении тел и душ. Лишь рассвета они ждали воровски, не говоря друг другу, но со страхом ожидая приезда старших Худяковых.

К концу недели Алексей пошел на почту, отправить весточку матери. Редко, но сообщал он ей, что жив, здоров, остепенился. Брату привет передавал, кривясь, когда писал эти строки.

И чтоб не искали, адреса не сообщал. Да и какой у него адрес? Волчье логово на гнилом острове.

У сельсовета его окликнули из зеленого «уазика».

– Слышь, земляк, не торопись, подойди-ка сюда.

Он, не оборачиваясь, шел дальше, зная, что ничего хорошего от этих «уазиков» ждать нечего, пусть и зеленых. Бродячая жизнь научила осторожности.

– Алексей, брат! – ударило его сзади.

Он резко обернулся. К нему шел Влас, одетый по форме и при портупее. «И тут зацепил...», – мелькнуло у Копченого.

Брат приближался, меся хромовыми сапогами снеговую кашу,

Алексей, сразу устав, сел на бревно, лежащее у обочины, отчужденно глядя на Власа. Молча поздоровавшись за руку, словно недавно виделись, они закурили.

– Ну чего, как ты здесь? – Влас внимательно, искоса, со стороны, изучал Алексея.

– Живу... Как нашел-то? Я, вроде, визитной карточки не оставлял?

– Это не проблема. Слушай, брат, давай не будем словами сорить, времени в обрез.

Мамка плоха у нас совсем, при смерти, можно сказать.

– Мама?! Что с ней?!

– Сердце, да и стара уже. Просила она тебя найти и привезти, хоть напоследок увидеться.

Так что, давай в машину, а по дороге поговорим.

В этом, что ли, ехать? – Алексей тряхнул ворот драной телогрейки.

– Там переоденешься. Садись!

– Подожди, Влас. Заедем только кое-куда...

Машина, скользя по наледи, выкатилась на бугор и остановилась у дома Худяковых.

Алексей бросился в дом,

– Саша! – толкнул он дверь. Санька бледная стояла у стены и со страхом смотрела на него.

– Ох, я думала... А чего там машина?

Они забылись в долгом сильном объятии. Алексей, отдувая ей пушок над розовым ухом, шептал жарко и сбивчиво;

– Саша, я обязательно приеду, обязательно! Ты только у меня есть и Шаман, больше никого. Да вот мама... Плохо ей, умирает... Брат за мной приехал. Я быстро, туда и обратно. Ты толькожди и Шамана сбереги.

– Езжай-езжай, родной! – сыпала горячими слезами Санька, еще крепче обхватывая его. Алексей, поцеловав ее, кинулся к двери.

– Шамана придержи-и! – уже с улицы крикнул он и сел в машину.

3

Мать они уже не застали. Даже увидеться с ней наедине Алексею не пришлось. Черными галками обступили ее старухи, ухватив, закружив в нескончаемом тягостном ритуале. Словно бы репетируя свой уход, впадали они в какой-то мрачный экстаз у мертвого тела. Только прощаясь, и поцеловав мать Алексей да шепнул ей в сомкнутые навек глаза: «Мама, не виноват я, а в чем виноват –прости...».

С поминок он ушел. Начинались они, как всегда, елеино скорбно, и потом, расходясь за водочкой, оттаял народ, разговорился. Иная черная старушка, ткнув лихо стопочку и раскрасневшись, вдруг, словно бы на привычной дворовой лавочке, начинала бойко сыпать: «А Люська-то, бесстыжа морда, опять с животом, и без мужа, стерва!». И черная ее товарка-галка кивала согласно, блестя разгоревшимся глазом. Жизнь брала свое.

Алексей, помянув мать, не обращая внимания на шипение старух, вышел и дотемна бродил по городу, узнавая улицы, людей. А дома его ждал тихий и трезвый брат.

– Выпьем, Лешка?

– Давай.

Они сели на кухне, чтобы не мешать словно бы послепраздничной уборке, которая царила сейчас в комнатах.

– Ну, будем, – Влас пододвинул Алексею наполненную рюмку.

– Мне со стакана привычнее.

– Одичал ты, брат.

– Одичаешь...

Влас перелил водку в граненые стаканы, дополнив их до краев. Выпили, хрустя вдогонку мелкопорубленной капустой.

– Пельменей хочешь?

– Нет.

Помолчали, дожидаясь, когда жаркая волна, прошедшая по желудку, закружит мягко и голову.

– Ударь меня, Лешка! – неожиданно оказал Влас.

– За что?

– Ударь, Лешка! – настойчиво повторил Влас, нездорово блестя глазами. – Не могу я. Мамке обещал насчет тебя, что привезу, жить снова будем вместе. Я ей не говорил, кто взял деньги. Думал, при тебе ей скажу. Видишь, не успел. Лешка, как жить?! Это ведь я тебя поставил, чтобы не портил ты мне карьеру. Тут, сам знаешь, все на виду. Я, слышишь, взял мамкины похоронные! Лешка, не жить мне так! Ударь! Сделай, что хочешь!

Алексей слушал, опустив голову. Потом встал, скрипнув старым лакированным стулом с гнутыми ножками, и подошел к Власу. Тот тихо ждал.

Алексей сильно взял Власа за плечи и прижал к себе, притерся загоревшейся щекой, чувствуя, как забилась какая-то жилка на виске брата. А потом, вроде бы, сыро стало. Или показалось?

Ночь они говорили – не могли наговориться, поминали мать, тихо пели. Чокались гранеными стаканами и ели сладкую капусту, пахнущую укропом и деревянной старой кадкой. Влас, положив тяжелую руку на плечо Алексея, хмельно и настойчиво уговаривал его остаться навсегда. Но Алексей мотал головой, чувствуя сквозь ту же хмельную оглушенность, как бьется где-то под сердцем: Санька!.. Обнявшись, плакали они, уже не стесняясь, высвобожденные водкой и облегченные откровением.

Обратно его подбросили на том же зеленом «уазике». Не доезжая до дома Худяковых, Алексей остановил машину и отправил ее, попрощавшись с Власом.

Еще издали он услышал крики и собачий смертный визг во дворе Худяковых. «Шаман!» – охнул Алексей и, разбрызгивая оттепельную хлябь, кинулся к дому. Рванув калитку, он увидел Шамана, привязанного к хлеву, и Николая Худякова, целящегося из одностволки в собаку. В два прыжка он подскочил к Худякову и ударил снизу под ружье. Выстрел снес снеговую шапку на хлеве и поднял тучу галок в прилегающем осиннике. В доме тоскливо завывала Санька.

– Уйди! – захрипел пьяный Худяков. – Уйди, Копченный, бродяга! Приоделся, глянь-ка, наворовал где-нибудь, шпана! Люди сказали, как вы тут собачью свадьбу справили! Как собак вас теперь и стрелять надо!

Он потянулся к ружью, но Алексей, отшвырнув его в снег, поднял одностволку и раздробил ее об угол хлева. Худяков пьяно матерился в сыром сугробе, пытаясь встать.

Алексей отвязал Шамана, ползающего от страха на животе, и пошел в дом. Дорогу ему преградила Катерина.

– Уйди, – твердо сказала она. – Опозорил дочь. Думаешь, раз ущерб у нее на лице, так и попользоваться можно без зазрения совести?

– Жена она мне.

– Уходи, а то хуже будет и ей, и тебе!

Под Санькин жуткий вой вышел Алексей со двора.

... На льду уже кое-где чернели лужи, появившиеся в последние теплые дни. Копченый и Шаман осторожно обходили их, проверяя раскисший путь крепким сосновым шестом.

Землянки на островах были пусты. Не каждый рисковал сейчас забираться в протоки и мелководные заливы, уставленные гнилыми пеньками, где промоины появлялись в первую очередь.

Они выбрали самую теплую землянку с большой сварной печкой и закрывающейся трубой. Растопив буржуйку до алого румянца на жестяных боках, Копченый сел на нары, располовинил бутылку, сунутую ему впопыхах Власом, закусил, не торопясь, копченой колбасой, бросив щедрый кусок Шаману.

– Ну что, Шаманка, снова мы с тобой одни? Ничего. Заживе-е-м. Дом построим, баньку... – хмель быстро ударил ему в голову.

Шаман, мигом проглотивший колбасу, забил хвостом, всем своим видом давая понять, что рад построить все, лишь бы ему, жившему к старости на картошке и хлебе, дали хоть понюхать еще что-нибудь из этих вкусных вещей.

– На, корыстная ты скотина, – хмельно и расслабленно засмеялся Копченый, бросал Шаману еще один кусок колбасы. – А ведь ты, брат, жизнью мне обязан, да-а...

Он вздохнул и полез на нары.

Ночью Алексей проснулся от какого-то тяжелого беспокойства. Печка остыла, и в землянке было холодно. Он нащепал смолье, растопил, раздул до гудения печку и вышел наружу. Ночь была влажной и светлой. Он долго стоял на теплом ветру, прислушиваясь к уханью оседающего льда, шороху тающего снега, гудению ветра в голых вершинах мелколесья. Ему казалось, что сквозь эти ночные звуки он слышит чей-то тонкий и жалобный голос. Чудится? Нет, кричат. Там! Голос слышался со стороны темнеющего вдали лесного высокого берега, откуда он пришел. Алексей кинулся по своим следам, затопленным черной водой. Крик был слышен все ближе и ближе. Впереди что-то забелело. Алексей остановился. Перед громадной промоиной, на ветру, в одной лишь тонкой рубашке... Он протер глаза. Кажется ему что ли?

– Санька... Жена! – крикнул он, не веря.

– Мой... Я тебя искала...

На руках он отнес ее в жарко натопленную землянку. Натаскал сена из стога на соседнем острове. Сбросил с Саньки рубашку и долго натирал водкой ее белое тело, пока оно не запыхало под его ладонями.

– Санька, родная, выпей-выпей водки, поможет!

Она выпила, закашлявшись, постепенно розовея и приходя в себя.

– Сейчас-сейчас, подожди, девочка, – бормотал Алексей, пытаясь натянуть на ее полные бедра свои кальсоны. – Сейчас будет тепло.

Потом они, зарывшись в сено, пахнущее теплым лугом, молча, лежали, ощущая радостно близость друг друга, и слушали, как поет тоненько уголек в печке. Шаман, находя их сплетенные руки, тыкался в них холодным сырым носом и шумно вздыхал от чего-то, только ему понятного и потаенного...

Дом на проклятом месте

Лидия проснулась от чьего-то пристального взгляда и яркого света. Она вздрогнула в сонном еще, нервном испуге. «Почему здесь прожектор?», – мелькнуло нелепое. «Ах, это...». Сквозь стекло в упор глядела запавшими глазницами полная большая луна, еще не на ущербе и поэтому неонового-голубая.

Это пробуждение было почему-то неприятно Лидии. Она, скользнув босыми ногами по нагретым за день половицам, торопливо задернула занавески, сторонясь немигающего взгляда. «Господи, и луна здесь какая-то бесстыжая».

Было душно. Дети спали, разметавшись в перепутанных свесившихся простынях. В ногах у старшего свернулся клубком котенок, прибившийся к ним еще в городе. Порода ему тогда определили звучную – куцхар-крысоед, но был это обычный дворовой Васька в тигровую полоску. Лидия, невольно улыбнувшись, переложила теплого котенка на коврик у кровати. «Может быть, блохастый, надо вымыть». Котенок потянулся во сне и замурлыкал. Это тихое мурлыканье успокоило ее. Она поправила постели, легла и попыталась уснуть. Но давящее непонятное беспокойство словно бы заполняло комнату, стучалось, принимало какие-то неопределенные очертания. Лидии слышалось легкое потрескивание, как бывает при электрических разрядах. Лунный свет непонятным образом начал перемещаться по дому одновременно со странным потрескиванием. Вот он скользнул по глянцево блеснувшим половицам, осветил котенка... Тот зашипел и, оскалившись, вздыбил шерсть, глядя неподвижными фосфорическими глазами в одну точку. Прокричал ворон. Лидия чувствовала, что безумие охватывает ее, но, словно зачарованная, она отдернула занавески, не в силах оставаться в неведении. Там, за окном, размеренно и совершенно беззвучно, не касаясь земли, шли люди. Они были бесплотны и отбрасывали на поляну перед домом не тени, а неяркое мерцающее свечение. Лидия видела их лица, искаженные то страданием, то злобой. В этой череде бесплотных тел непрерывно и равнодушно вершились кровавые трагедии. Вот на краю зияющей ямы стоит на коленях покорная женщина с ребенком на руках. Рот ребенка разинут в бесконечном крике. Выстрелы оборвали крик. Худое тело женщины дергается, и она падает вниз. Ее убийца на дне ямы палкой добивает ребенка и поднимает какой-то предмет. Лидия видит в его руке детскую соску-пустышку. Но в хладнокровного убийцу уже врезается зазубренный топор идущего сзади. Медлительно и бесстрастно жертве перебивают ломом ноги и вспарывают живот люди в погонах и фуражках. Их прошивают очередью из автомата идущие вслед. И снова движутся безответные жертвы, корчащиеся, агонизирующие в руках палачей. Но вот движение призраков ускорилося. На сухой осине захохотал, захлопал крыльями филин, наклонив ушастую голову. Кровавая слеза выскользнула из глазницы побледневшей луны. В черном бору вдруг прошел ветер, вздыбил скрюченные сучья, завертел палую хвою и швырнул наотмашь в лицо спящего озера. Стон прошел по округе, и сразу стало тихо. Все кончилось.

Потрясенная увиденным и, сразу обессилев, Лидия с трудом добралась до постели. Сон навалился удивительно мягко и быстро.

Полутора Лидия проснулась свежая и отдохнувшая, словно не было ночного пробуждения и какой-то глупой чертовщины. Все виделось ей в другом свете. Слишком нелепыми казались пережитые страхи в яркое утро, играющее солнечными зайчиками на лаковых деревянных стенах. «Поменьше снотворного, милочка, да бросить курить непременно, а то скоро на метле летать начну в голом виде, – бодро приказала себе Лидия, откидывая легкое одеяло. – И довольно забивать голову мыслями о работе. Все! Легкий флирт, купание, много-много солнца и шашлык!...».

Лидия сладко зажмурилась, представляя себе гроздь пузырящихся соком кусков ароматного мяса на шампурах.

Они второй день жили в небольшом доме у озера. Дом этот в отличие от санаторно-лагерных щитовых вагончиков был срублен, как все деревенские избы, «в лапу» из толстых сосновых стволов. Старые бревна выглядывали из-под щегольской фигурной рейки, которой были обиты стены. В сенях сруб был обмазан для тепла слоем глины. Местами это покрытие растрескалось, и с пазов свисали клочья пакли и мха, похожие на спутанные седые волосы. Полдома занимала русская печь, казавшаяся в этом торопливом курортном укладе жизни совершенно лишней. Это еще раз подтверждало догадку Лидии, что их вселили в старую деревенскую избу, лишь подновленную снаружи.

Дом был выстроен на чистом бугре, окруженном соснами, а совсем рядом искрилось круглое озеро с голубой водой. Говорили, что дна в середине озера не достать из-за многометровой подушки мягкого ила-сапропеля. Еще рассказывали, что на дне среди пней и упавших деревьев стояли утопленники с открытыми глазами, зацепившиеся за острые сучья. Почему именно – с открытыми глазами, никто не мог объяснить, но так было таинственнее и страшнее, тем более что проверить это было невозможно.

Программу-максимум Лидия выполнила... Искупав в «лягушатнике» детей, она отправила их на обед и полезла в воду. Поплавав по-собачьи в голубых волнах озера, она минут десять принужденно пыталась вылежать на солнце, изображая удовольствие, пока, наконец, с отвращением не накинула на себя халат. «И охота ей...», – с жалостью она поглядела на соседку, худощавую зеленоволосую особу, ожесточенно подставляющую острые лопатки под солнце. «Мазохизм какой-то», – решила Лидия и уселась под грибок.

Случай пофлиртовать представился ей вскоре. С обеих сторон к Лидии подсели два субъекта. Дохнув на нее свежесъеденным винегретом, они глазами сняли с нее купальник и предложили водки. Лидия ушла в дом. Шашлык ей принесли из столовой дети на тарелке с крупной надписью «Общепит». Шашлык был бледный и холодный. Лидия, не жалея, отдала его местной казенной дворняге с раздутыми боками. Та посмотрела на Лидию влажными подхалимскими глазами и прошла мимо тарелки.

Остаток дня Лидия провела в доме, листая бездумно книгу и отчаянно скучая по работе. Потом она вышла на крыльцо, провожая взглядом падающее за лес солнце. Дети возились в песчаной яме-песочнице, вырытой в бугре неподалеку от дома. «Совсем я с ними не занимаюсь», – лениво-укоризненно отметила Лидия, не испытывая, впрочем, особых угрызений совести. Она пошла неторопливо вокруг бугра, вдыхая вечернюю свежесть. Закатный свет лежал на купах деревьев, выхватывая из темной зелени ярко охристые стволы сосен. На западе лес уже потемнел, стал таинственным и опасным, хотя, по сути, все это была зона отдыха, место праздного гуляния, быстрых знакомств нетрезвых мужчин с нетрезвыми женщинами. Здесь не покидало ощущение, что жизнь проходит где-то мимо и надо поскорее все ухватить, в два-три дня, в неделю, отпущенную тебе. Лидии было гадливо смешно вспоминать тех, подсевших к ней. Простые парни, наверное, какие-нибудь механизаторы из деревни Куреповка, Ивановка или как там еще?.. Надышались воздуха сомнительной свободы вдали от своих толстых жен, огрубевших в работе, выпили под столом водки в санаторной столовой и закуражились. В мыслях мяли, тискали руками ее городское холеное тело, раздевали глазами. А винегрет с усов забыли снять. Лидия невесело усмехнулась и пошла в дом, загнав детей спать.

В сенях она, уже который раз за день, споткнулась о кучу бересты, лежащей под порогом, и только сейчас заметила это. «Да что за издевательство такое?! – вскипела Лидия, вышвыривая кучу в траву у дома. – Опять мусора натаскали, не пройти!». Вместе с кусками бересты в воздух вспорхнул обрывок какой-то пожелтевшей фотографии. Лидия хотела, было, ее поднять, но, неожиданно зевнув, решила: «Завтра, все завтра».

Она проснулась ровно в полночь. Пристальный взгляд луны, казалось, прожигал задернутые занавески. Лидия замерла в ожидании чего-то, что обязательно должно было произойти. И ЭТО уже происходило. В неподвижной тишине слышались мерные грузные шаги. Дверь скрипнула и медленно раскрылась. «Она же на засове!», – мелькнула у Лидии дикая мысль. Прокричал ворон, и в дом вошла женщина в темной одежде. Пол прогнулся от ее неожиданно тяжелых шагов. Женщина остановилась, отыскивая незрячими глазами Лидию. Потом она согнулась почти до пола, на спине ее вырос горб, она страшно вскрикнула и, блеснув неподвижным взором, завертелась в бешеном вихре вокруг себя. По мере замедления движения ее горб становился все меньше, женщина засветилась неярким голубоватым светом и оторвалась от пола. Медленно подняв руку, призрак подплыл к Лидии, и она почувствовала, что ее охватывает удивительное спокойствие. Она увидела лицо женщины, обрамленное седыми прядями.

В глазах бледного призрака застыла тоска. «Не бойся, я не принесу тебе зла, – не открывая рта, проговорила женщина. – И не хочу тебя пугать, но на мне много грязи, я не готова войти к живым чистой, только через три обличья возможен мой путь. Ты это поймешь, когда будешь там. Но пока ты здесь, я тебе говорю: уходи из этого дома и забирай поскорее детей. Здесь плохое место и много мертвых вокруг. Ты видела их. Все они ушли из этого мира, когда правил ирод. Ты знаешь, о каком времени я говорю. Но до этого здесь жили мы. Мой Тадеуш был нездешний, но он любил меня и эти места. На душистом покрывале из трав, под пологом звездной ночи, на этом бугре в ромашках и васильках он взял меня. А потом мы строили наш дом из сосновых бревен, плачущих смолой. Лес тихо шумел вокруг нас. На заре роса тяжела трава. Лунными ночами мы как две белые рыбки обнаженные купались в озере, и только лес видел нашу наготу. Потом пришли эти, в кожаных куртках, и озеро покраснело от крови. Тадеуш жег здешние леса и мстил тем, в куртках, но где-то сгинул. Я осталась одна в этом доме. А еще позднее здесь появились дети с горнами и барабанами, за ними – праздные люди и гуляющие женщины. Они осквернили тишину, память мертвых и отняли у меня дом. Вот уже девять дней я вне этого мира и теперь вернулась, чтобы взять с собой мой дом. Я встречу Тадеуша, и мы снова будем вместе. А дом очистится в огне. Ты уходи отсюда и заведи детей. Они ни в чем не виноваты. А бересту я уже положила, положила-а-а, уходи-и-и...». Видение вздохнуло и растаяло в воздухе. Вслед ей захохотал филин, и дверь со скрипом закрылась. Лидия погрузилась в сон.

Утром она снова обнаружила под порогом охапку бересты. Сверху лежал небольшой обрывок пожелтевшей фотографии с изображением черноусого мужчины в фуражке-конфедератке. «Чушь какая-то! – с раздражением подумала Лидия. – Расстройство нервов и сплошная фикция! Дети пораньше встали и принесли обратно этот мусор, чтобы мне досадить. Нет, хватит чертовщины и слюнявых донжуанов! Нервы-нервы...».

Наспех собравшись, они уехали домой.

Спустя год Лидия случайно узнала, что дом у озера сгорел. Говорили, причиной пожара послужило неосторожное обращение с мангалом. Жарили, мол, отдыхающие нетрезвые люди шашлыки, да уголек и унесло ветром под дом. Во всяком случае, так было написано в официальном отчете.

Сумасшедший

Утро открылось серое и мутное. Взъерошенные вороны, сутулясь, сидели на тополях и отворачивали клювы от холодного ветра, который пришел с севера и принес сырые тучи. Над городом висел туман, и крыши блестели от мелкой мороси. Между старым автомобилем со спущенными колесами и мусорным баком бродил по двору высокий старик в мокром пальто. Он задира голову к низкому небу и чего-то шептал. Время от времени он подходил к мусорному баку и начинал сосредоточенно перебирать пакеты и бумажки, словно целенаправленно отыскивая нужную вещь... Не найдя того, что искал, старик снова ходил по двору, бормоча какие-то формулы и обрывки стихов.

В это время Савелий Хвастунов лежал на смятой простыни и думал медленно, желчно и безнадежно, в тон погоде за окнами его коммуналки.

«Из театрального поперли. Савелий, мол, да не тот. И псевдоним не помог. Все этот ботаник с козлиной бородой и свиными ушами... Владиславский... где-то я уже слы-ы-шал подобное?.. Где ты мог слышать? Это я сам придумал... Точными науками заняться? Мама ведь говорила...»

Перед глазами Савелия предстали ряды цифр и уравнений. И от этого ему стало плохо. «Валенки купить, пенсне, сесть за комп и написать роман... Ага, крыша съедет как у этого деда. Целыми днями в помойке копается. Видимо, с науками и перегрелся, переучился. Винчестер сгорел, а теперь вот бутылки собирает, больной на голову... Может, на рыбалку собраться, на свежий воздух? Нет, сыро, холодно...».

В соседней комнате гремела кастрюлями Фаина Ромуальдовна, перебирая фасоль на зиму. Выше горланили «Мурку» и матерились.

«Надоело, все надоело...», – Савелий вышел из подъезда и побрел по сырой улице. Проходя мимо копающегося в баке старика, он вдруг услышал обрывки его торопливой и взволнованной речи: «Не любит сливочное мороженое. Бред. Это так вкусно и ново... Нет, главное... Итак, главное... корпускулярно-волновой дуализм... уравнение Шредингера. Эйдосы?.. Мы эйдосы?!. Старик вытащил из помойки дырявый мешок и, вытряхивая его, продолжал спорить с невидимым оппонентом: «Земляне... Кем они нас считают и видят? До чего же недалекие, примитивные существа. Но какие необычные... Да, но их фильмы про инопланетян?.. А их теории?.. Мы как субстанциональная основа физического вектора состояния? Сущности?.. Скажите еще зеленые человечки!...».

Он неожиданно повернулся к Савелию:

– Молодой человек, я похож на зеленого человечка?

– Вы на бомжа похожи, извините.

– Да-да, вполне согласен. Но можно ли вам задать еще два вопроса? Ночью я улетаю к себе домой. Это далеко. Туманность NGC 6302 в созвездии Скорпиона... И больше у меня не будет возможности найти ответы на эти оставшиеся два проклятых вопроса. Они не дают мне покоя и без ясности в них вся стройная система моих умозаключений рухнет. Это недостающие звенья. Я улечу в дали галактик и туманностей, где мерцают цефеиды и взрываются сверхновые. Вернусь не скоро, хотя меня чрезвычайно заинтересовали жители планеты Земля. Но два миллиона световых лет слишком много даже для моего корабля.

– В мусорном баке полетите?

– Откуда вы узнали? – встревоженно спросил старик.

– Догадался...

А чудаки продолжали:

– Здесь, на Земле, я уже все изучил, иногда в таких вот мусорных баках. Отхожие места землян хранят много информации. Осталось неясным: почему вы ставите носки к батарее центрального отопления?

– Если стирать чаще, то их можно просто повесить сушиться.

– Спасибо, молодой человек! Как все гениально просто!.. И последний, главный для меня вопрос, если не затруднит.

– Валяйте...

– Что заставляет землян, большей частью мужского пола, вставать рано утром, собирать пакеты с биологической массой, окисляемой затем в желудке, и сидеть целыми днями у холодной реки с длинной гибкой палкой, глядя на яркий кусочек вспененного пенополистирола? Я знаю, это удочка, придуманная еще на заре вашей цивилизации. И когда на эту удочку попадается небольшая особь *Leucaspius delineatus*, называемая попросту верхоплавкой, эти странные земляне испытывают сильные чувства. Нередко эти чувства громко озвучиваются словами, обозначающими близких родственников данного индивидуума. Кажется, это означает недовольство. А если на такую примитивную удочку вдруг подцепится широкий и горбатый экземпляр *Abramis brama* того же биологического класса, но размером с ладонь взрослого землянина, то странный человек ведет себя уже совсем несоответственно общему стилю поведения землян. Своими движениями он напоминает веселые игры южноафриканских сурикатов или наскальные рисунки ваших предков, когда они жили в пещерах и охотились на больших мохнатых зверей *Mammuthus* из отряда хоботных. Биологические условия на Земле и в нашем мире очень похожи, но мне никогда не приходилось видеть, чтобы разумные существа нашей планеты сидели днями и ночами у холодной реки под дождем и снегом в ожидании, когда на крючок примитивной ловушки подцепится холонокровная особь размером с ладонь представителя *Homo sapiens*. Что может вызывать такое неадекватное поведение и такую непонятную реакцию на поимку двух-трех штук мелких экземпляров надкласса парафилетической группы водных позвоночных животных обширной группы челюстноротых, для которых характерно жаберное дыхание на всех этапах постэмбрионального развития организма? Словом, почему эти несчастные так радуются, когда поймают маленькую рыбку?

– Сами вы несчастный! – вскипел вдруг Савелий. – Это вы о ком так, о рыболовах?! Гуманоид липовый с Альфа Центавра.

– Я с Туманности NGC 6302 в созвездии Скорпиона, планета...

– Да хоть с острова Велья-Лавелья!.. Несчастные это не те, кто с удочкой. Несчастные запираются в душных квартирах, пожирая у телевизора чипсы из генномодифицированной картошки, которую даже колорадский жук не ест, а потом идут в свои офисы и небо видят только в пластиковых окнах или в передачах National Geographic. А здесь... Вы представьте... Рыболов у реки. Тихо-тихо звенит тишина, пугаясь всплеска ленивого леща или быстрой уклейки. Шепчут и вздыхают камыши от утреннего ветерка. На траве росинки, словно слезы уходящей ночи. В них переливается молодая заря розовым и нежно зеленым светом. А над рекой дышит и движется туман. Он скользит по теплой воде, а потом сползает на росистые луга, веснушчатые от ромашки. Там еще скрежещет коростель и в низинах пахнет холодной крапивой. На зеркале воды виден чутко настроженный ваш поплавок с красной антенной. Это настроженность создается его точной и красивой огрузкой. Но что это?! Поплавок только что был виден, но его уже нет на воде! Вы не должны больше ждать! Подсечка!.. На леске упирается сильная рыба. Она упруго тянет в глубину и всплескивает на поверхности, рассыпая серебряные брызги. Но она уже устала. Она уже в вашей руке. Красивая, неземная, с алым пятнышком и золотой каемочкой в пугливом глазу, с чешуей, отливающей старым золотом и драгоценными камнями, в которых играет солнце. Вы поймали рыбу... И вы почему-то дрожите, хотя вам не холодно. Рука тянется к удочке. Вам торопливо азартно и красиво от картины перед глазами, до сладкой боли где-то под сердцем, до веселой тоски и одинокого спокойствия...

Сумасшедший старик слушал Савелия зачарованно и неотрывно. Нижняя челюсть его давно отвисла, а в лиловых глазах вспыхивали и гасли утренние зори, горело полнолуние в ледяной тишине осенней ночи, взрывались каскады брызг от ударов взбешенного язя, и плавилась уклейка на тихой воде. Старик и Савелий уже тянулись друг к другу в теплоте понимания и какой-то родственности душ. Они встряхивали над головой кулаками, толкали друг друга в плечи, Савелий показывал размахом рук длину пойманной когда-то рыбины и пытался на пальцах объяснить старику характеристики мультипликаторных катушек... Все закончилось в один миг. Высокий старик вдруг оттолкнулся от земли и заторопился в сторону улицы, разбрызгивая лужи. Вскоре он смешался с толпой у торгового центра.

«Совсем у деда плохо с головой. В психушку позвонить что ли? Хотя еда будет у него и крыша над головой. Подлечат, глядишь. Завтра, все завтра...», – Савелий еще раз взглянул в сторону улицы, куда торопливо удалился безумный старик, и пошел домой.

Ночью он проснулся от яркого неоновых света. Над двором висел мусорный бак, из которого торчали спиннинги, фидерные удилища и ледобуры разных конструкций. В баке стоял старик и строго смотрел на звезды. Яркая вспышка ослепила Хвастунова и бак исчез в темном небе...

Выбор

...Камень был холоден и бесстрастен. Он лежал здесь миллионы лет и видел многое. На его глазах взрывались вулканы, и падал с черного неба пепел, закрывая солнце. Вонзался в небо Триасового времени яростно-ликующий вопль аллозавра-убийцы, рвущего на части ленивого и глупого диплодока. Приходили гунны, и вздрагивал объятый торопливым пороком Рим от тяжелого гула множества коней. Но сходились герулы и гепиды на Каталаунских полях с золотыми римлянами, и умирали, бежали варвары, заливая горячей кровью холмы Галлии. Это было незаурядное событие и грандиозное зрелище.

В году 451-ом, в глухую ночь, рубились вслепую и нелепо случайно франки и гепиды. На встречных маршах произошла короткая и сумбурная резня. Пятнадцать тысяч человек не увидели утро. В день светлый и роковой открылась диспозиция, где Аэций ждал сражения на левом фланге, на правом – переминались в тревожном нетерпении везеготы Теодориха. Король аланов Сангибарн, ненадежно верный Риму, должен был принять удар в центре, где был с гуннами свирепоглазый Атилла и лучшие его войска.

Колебался Атилла и был тревожен, поскольку было ему предсказание, что, доселе непобедимый, примет он поражение и бесславие в этом бою. Но отступать было поздно. И тогда сказал Атилла своим солдатам просто и коротко: «Кто может пребывать в покое, если Аттила сражается, тот уже похоронен!». Страшно запели буцины и трубы, гордо поднялись вверх императорские имаго и аквилы легионов, а под ними вспыхнули золотом панцири декурионов и тораксы. Ряды гуннов были темны и по-звериному настороженны. Ударили пращники и в небо поднялись свистящие точки, встречаясь с тучами стрел. Войска сошлись.

«Битва лютая, переменная, зверская, упорная... Если верить старикам, то ручей на упомянутом поле, протекавший в низких берегах, сильно разлился от крови из ран убитых; увеличенный не ливнями, как бывало обычно, но взволнованный от необыкновенной жидкости. Он от переполнения кровью превратился в целый поток».

(Иордан. «Гетика»).

Камень видел все это, и у него было время подумать. Его холодный разум умел отсчитывать время и анализировать события. И, казалось, ничто не могло изменить мир вокруг него и сущность его самого. Невероятно сильные ветра, приходящие с востока, лишь полировали его поверхность, а бьющие в него молнии из яростных тифонов превратили его в крепкий монолит, оплавленный в местах ударов. Он знал, что вечен, и от этого ему было спокойно. Но пришли люди, вырыли под камнем большую яму и закатали в нее множество каких-то бочонков. Тяжко вздрогнула земля, поднимаясь в небо со столбами огня и дыма, и камень раскололся, теряя форму и цельную структуру, данную свыше. В коллоидах молодой породы, хранящей память рождения, забилося, угасая: «Это все».

...Камень был молодым деревом и помнил свою вечную жизнь созерцательного бытия среди скал только вначале, когда пробивался сквозь палую листву в виде ростка. Высыхая на склоне холма, он снова вспоминал, как глядел в розовую даль, ощущая себя тяжелым и вечным монолитом, а потом совсем ясно чувствовал и слышал, как шелестел он листвой на теплых ветрах и сверху на его крону падали торопливые дожди, стекая по жилистому стволу. Он был нежной личинкой, в сладкой муке выползающей из хрустящего кокона, а потом становящейся красивой бабочкой. Камень парил над горами, опираясь на сильные крылья, и слабые люди-букашки кричали ему снизу: «Эль кондор паса»... А затем он сидел у тихой реки и глядел на поплавок, от которого расходились круги. Камень поднимал удилище, чувствуя, как бьется его

сердце, и на леске тяжело упиралась серебристая рыбина. Она сонно разевала рот в его руке. От рыбы пахло теплым шелковником и синими струями реки. Он уходил в дом на берегу, где его встречала светловолосая женщина. Она брала у него рыбу, целовала в губы и жарила рыбу на углях. Ночью они обнаженные купались в реке, и только Луна глядела на них.

...Камень ждал. Он умел ждать. Он знал, что эта ночь опять будет принадлежать ему. Молодое быющее тело под его сильным и ждущим телом, белая грудь с бутонами-сосками, ленивыми и розовыми; трепещущая жилка на шее, короткий всхлип, агония, легкая судорога. Так уже было не раз. Но не было Элис. Он решил: она тоже будет его женщиной, пусть через силу, через ее неприятие, придушенная и не способная к сопротивлению. Она будет его собственностью... вся, безвольная и нежная, с гладкой кожей и золотым локоном на его пальце. Элис... Он ее встречал в колледже, дышал ей вслед, поднимая долгим взглядом юбку, где светились сильные ноги и перекатывались под Коко Шанель тряские ягодицы. Он пытался с ней заговорить, но она только смеялась над его неповоротливой речью, грубым и прыщавым лицом. Над ним смеялись все ее друзья. Они никогда не узнают, что под внешностью неудачника он такой сильный и уверенный. Не узнают... Наверное, он хотел, чтобы они узнали... на короткий и ликующий миг яростного превосходства. Но главное, что сейчас он знает об этом, и будет обладать каждой, кого выберет. Она уже идет, его избранница...

– Элис, подожди! Пстой, я прошу! Остановись, она пошутила, она все лжет! Элис, я не смогу без тебя жить! – за порывистой фигуркой, едва видимой в полумраке аллеи, спешил человек в распахнутом плаще.

– Она очень неудачно пошутила, Харви! Отстань и проваливай к своей шлюхе! – бросила через плечо Элис, не оборачиваясь.

«Правильно, девочка, гони его. Он не входил в мои планы. Его не должно было быть, – шептал Камень, трогая рукоять за поясом. Уходи, иначе мой Боуи не подведет. Тебя не должно было быть, слизняк. Ничто не должно было мне помешать. Я так решил. Нет, похоже, ты не уйдешь по-хорошему, сентиментальный прилипала».

Он ударил его в спину и перешагнул через упавшего. Так тоже было не раз, и удар клинка был надежно выверен. Левая лопатка, слабый хруст и дрогнувшая плоть на холодной углеродистой стали. «Теперь ты моя. Я тороплюсь, ты ждешь меня, Элис?». Но что-то пошло не так. Что-то не вписалось в его педантичную систему, выверенную до мелких деталей, расставленных в привычный порядок. Что-то его беспокоило. Распахнутый плащ, слишком широкий, широкие плечи... Дистрофичный юнец, мутирующий ублюдок с ломающимся баском и комплексами!.. Камень уже был уверен, что только задел это тщедушное тело под слипоном, сшитым на два размера больше. Надо добить! Он резко обернулся, но его встретила короткая вспышка.

Лежащие на серой земле равнодушные камни, ушедшие в себя... Кажется, он их знал, удар... Страшно. Одинокaя и влажная темнота, свет, мама!.. Наглый Билл, рослый и уверенный. Он опять отнял игрушку... Насмешки и жестокие шутки ровесников, презрение высокомерных денди, проклятых метросексуалов. Лица-гримасы, кровь, жадная страсть и белые ноги, раскинутые на траве под задранной юбкой. Слабое горло с пульсирующей под ладонью жилкой, опять это слабое горло, опять... Сколько их было? Это моя добыча! Ты будешь моей!.. И горячая пуля под сердцем... Я иду к тебе, Господи!..

– Я боюсь, я достоин ада

– Земная жизнь и есть ад, даже многие из людей это понимали и знали, проходя невыносимые испытания.

– А библейское: да воздастся...

– Человеческая психология так устроена, что только страх наказания удерживает их от преступления, а библия – программа поведения, нарушение которой влечет страшное и вечное наказание. Но все не совсем так. Программа записана на языке, понятном для людей с их примитивной логикой. Существа света и разума, которых люди называют ангелами и богами,

не кровожадны. Они сами прошли все ипостаси от условно мертвой материи до разумных в кавычках людей. Так рождаются боги, так заполняются пространства Вселенной и многомерных параллельных миров. И настоящая жизнь начинается для тебя только сейчас. Стоит тебе сделать выбор, перейти эту условную черту и ты соединишься с ноосферой, где ты сможешь путешествовать во времени, увидеть динозавров, узнать все тайны и наполниться безмерной информацией о всех временах и вселенных. Ты ведь был недоволен социальной несправедливостью и жестоким устройством мира. Ты был зол на бога, на его предвзятость и двойные стандарты при сотворении бытия. Одним – все, другим – ничего кроме страданий. Но даже в земной жизни ты уже прошел пути нищего, отверженного маньяка-насильника и самого богатого из людей. Ты любил старых дешевых проституток и самых красивых женщин планеты Земля. Социальная справедливость свершилась. А теперь тебе будут не нужны плотские утехи, ты забудешь про болезни и горечи. Вечность перед тобой, стоит только переступить эту черту. Ты имеешь право выбора...

Камень разговаривал с какими-то людьми, стоящими перед ним в легких светлых одеждах. Они приветливо глядели ему в лицо, и от этого ему становилось спокойно и безмятежно.

– Я смогу вернуться к той реке, где меня ждала женщина со светлыми волосами, дотронуться до ее белой кожи? Закинуть удочку в реку и ждать когда клюнет большая рыба, а потом есть ее, горячую, и запивать белым вином? Я смогу ощутить запах теплой реки и тины, почувствовать азарт от поимки сильной рыбы и горечь, когда рыба оборвет леску?

– Нет, но ты будешь владеть всеми тайнами мира.

– Я могу сделать выбор?

– Да, но если ты вернешься, все начнется сначала.

Камень повернулся и пошел назад в темноту. Вслед ему глядели люди в белых одеждах, и лился яркий и мягкий свет.

... Камень был холоден и бесстрастен. Он лежал здесь миллионы лет и видел многое...

Последняя весна

И пролились не ко времени ранние весенние дожди. Терпко запахло в борах смолевым духом-живицей, лиственной прелью и пьянящей свежестью талого снега. А среди залитых водой клюквенных моховин защелкали костяно, заголосили в скirkanье-надрыве глухари, охваченные страстью продолжения рода своего древнего

Седьмой десяток разменял в эту весну Николай Васильевич Рогожин, но не усидел по-стариковски дома, хотя и соблазняла его супруга Настасья блинами, а как всегда по весне пришел сюда на последний, может быть, в этих местах глухариный ток. Ружьишком Николай Васильевич не баловался давно. Да и как стрелять-то последних петухов? Повыбивали птицу, а где и разорили токовища селениями да дорогами лесовозными. Только послушать и посмотреть пришел Рогожин на старое токовище – может, повезет на глухариную песню, да и с Озером надо поздороваться. Давно не был...

Николай Ильич вздохнул и тяжело опустился на сучкастую коряжину, лежащую поперек тропы. Коряжина просела и, чавкнув во мху, выбрызнула ледяную жижу, пахнущую багульниковым и клюквой. В боровых прогалах мутнел рассвет.

«Нелегка дорожка, припоздал, заря то уже занялась. Да и куда мне, старому кобелю, по болотам-то шастать?.. – неповоротливо думалось Рогожину. – Права Настя, вышло время мое. Отстрелялся, Коля, точка... А каких петухов я ей приносил!.. Перо не пробить!.. Дробь с них, как песок осыпалась, хоть пулей стреляй!.. Да, были времена...

Вспомнилось, как еще пацаном «увел» он висящую на стене отцовскую «курковку» и первым же дурным выстрелом свалил на току веерохвостого бородастого глухаря. Отец тогда вытропил его, Кольку, по следам и, натыв сгоряча носом в мох, отдал ружье на владение. Глухарь помог...

Много охотиться не пришлось, время было тяжелое и смутное. А дальше судьба повела Рогожина в мясорубку Великой Отечественной, показала боль и кровь, смерть и измену, отвагу и страх, научила ценить дружбу и правду в глаза. А проверив его на крепость, зацепила для остратки горячим осколком и с Победой отпустила домой. В пути и нашел Николай свою Настасью. Тогда она еще Настей звалась...

Видать, судьбой определено было остановиться эшелону у полустанка без названия. На переливы гармонии да на хохот вперемешку с забористым солдатским матюганом потянулись из деревеньки, что виднелась за посадкой, бабы, а за ними и девчата. Бабы – кто своих встретить, кто – на солдат поглядеть, повыспрашивать, весточки ожидаючи, а по вдовству – и перемигнуться с кем. Соскучились по крепкой ласке, по рукам мужским бесстыдным...

Девчата несли в лукошках разную снедь, а у баб и бутылки поблескивали, больше со своим – мутным «пузодером».

– Эй, солдатик, купи грибочков на закуску! У тебя, небось, трофеев богато?! Или все немкам раздарил?! – прихихатывала голоногая девчонка, дразня Николая солеными рыжиками, которых он не едал с довоенных лет. Дерзко синела она глазами, из которых сыпались чертеньята, смешно выпячивала грудь с пацаными еще пупырями и, облизанная ветром так, что виднелся бугорок под животом, тянулась к вагону-телятнику.

С рыжиков все и началось. А вечером, в лесочке у застывшего до утра эшелона, слюбились они без оглядки... И вместо свадебного марша ревуном заголосил поутру паровоз, увозя их, сплетенных судьбой, в родные Николаю места. У Насти в деревне только две родные могилы и остались...

Еще застал Николай дома постаревшую за войну мать, а отца не пришлось – снесли его на деревенский погост перед самым приездом сына. А вскоре и мать рядом с отцом легла: не выдержала потери да радости...

Тяжело было на пустоши: родная деревенька захирела без дорог и промысла. Хватили нужды Николай с Настей, а потом перебрались в город. Но и там, на городской окраине, где устроились они, разносолов для них не припасли. Всем жилось тяжело. Тогда-то и вспомнил Николай про отцовское ружьишко, а попутно и в рыбную ловлю втянулся. Баловство, вроде, а кормит.

Приметилось ему еще в те годы лесное озерцо, красивое, как в сказке, но вместо Бабы-Яги жил на том озере старый филин-отшельник, хохотавший ночами веселее разной сказочной нечисти. Дуэтом с неясностью у них хорошо получалось...

Озерцо было неглубокое, но рыбное. Водились в нем пудовые щуки, окуни, лини да попадалась озерная сорога, темноспинная, с отливающей золотом чешуей. Каждая чешуинка такой сороги драгоценной монетой на мху гляделась, а красоте ее перьев-плавников и петух бы позавидовал.

Озеро окружал старый сосновый бор, и жила в том бору древняя птица глухарь. Жила вольготно, не тревожимая лесными пожарами и набегами лихих людей. Ходили к тому озеру люди не жадные – взять на прокорм, не больше. Да и не унести много на плечах, а дорог к озеру не было. Так и жило-блестело средь сосен озерцо, хранимое болотами и лешаком-филином. И дни здесь текли размеренно, в сонной оторопи да шелесте камыша.

Со временем вгрызлись в сосняк хищные пилы, загадились боры порубочными проплешинами, от которых разило соляжкой, и пролегли дороги уже вблизи озера. Потянулся в эти места самый разный народ: кто с добром и страстью охотничье-рыбацкой, а кто – с острогой и взрывчаткой. Все чаще встречал Рогожин на своем пути пьяные компании, палящие по пустым бутылкам и по всему живому, что попадалось на глаза. Все чаще находил стреляную и колотую на нересте щуку, ушедшую в агонии от человека, но доставшуюся воронам и мухам.

И разор сказался на озере. Откатились глухариные токовища дальше в боровую крепь, и все скуднее были с каждым годом трофеи и уловы честных охотников и рыболовов. Казалось, никогда не выбить дичь и не вычерпать рыбу, каждый год воспроизводящую свое потомство, но как раз и не давали ей этого делать глупые, недальновидные, корыстные люди, перекрывающие наглухо сетями речушки-нерестилища и отстреливающие глухарок, не успевших вывести птенцов.

«Ну, Бог с тобой, поставь ты сетешку в сторонке, чтоб пустым не уйти с капризного озера, но дай пройти рыбе отметать икру, дай птице позабавиться с детишками. А тут еще «электроудочку» придумали!.. В трусы бы ее подвести к этим ловцам. Ведь и детям своим ничего не оставят. Божатся в оправдание, что если, мол, не я, то другой подсуется, из-под носа вырвет... Тьфу ты! – передернулся тут Николай Васильевич от этих припомнившихся ему пакостных речей. – Вот она натура-то наша человеческая!.. Что ведро помоев, накрахмаленной салфеткой прикрытое!.. Пойми ты, чудак-человек, – убеждал Рогожин невидимого собеседника. – Да, худо сейчас, особенно на окраинах российских. Но сохрани себя, пронеси сквозь лихолетье, не испачкайся торопливой алчностью и завистью».

Так в спорах с кем-то и тяжелых раздумьях и не заметил Николай Васильевич, что дошел до места. Озеро открылось светло и выстужено. Посередине озера гуляли волны, холодные даже на вид. Небо тоже было холодное, контрастное, в алых зоревых подтеках, на фоне которых верхушки сосен казались вырезанными из жести. Летом теплые потоки струятся над горизонтом и, размывая утренние краски, создают ощущение благодатного покоя. Сейчас же озеро, подобно красивой мачехе, глядело строго, без теплинки.

Тревожная эта красота и свежий ветер с озера бодрили, заставляя Рогожина дышать и двигаться, как в годы прошлые, далекие. Хрустко ступая по тропе, шел он к истоку речушки –

нерестилищу. Хотелось ему, может, в последний раз, подсмотреть трущуюся в истоме икряную щуку, а удастся – и надергать красноперых горбачей на мормышку с червяком. Окунь здесь стоят прямо под берегом, под переплетением корней, прикрытых дерном. И удилище-прутик можно тут же срезать. Переночевать у костра, как раньше, а потемну перед зарей надо уже на току быть. Если получится, подобраться к матерому под его песню, прыгая по моховым кочкам под глухариное «скиркание». А там – приложиться к плечу воображаемым прикладом да «пукнуть» ртом, словно из ствола, да гикнуть вслед, чтоб осторожней был, красnobровый, в следующий раз...

Выйдя к месту Рогожин обомлел: речушка была наглухо перегорожена плетнем-заколом, а в проходе между жердями по-хапужьи раскинулись руки-сетки большой крылены. В самой «морде» виднелись два окунька. Щука еще не шла, но снасть хищно ждала своего часа.

– Ох, враги, ты смотри, что сделали! Для мелкого озера смерть это неминуемая! Нерестилищ тут раз-два и обчелся, погибнет озеро!..

Николай Васильевич, задыхаясь от торопливости и боли душевной, кинулся к заколу. Подняв раструбы болотных сапог, он зашел в ледяную воду и взялся за первый шест. Крылену пока не трогал – оставил на самую злость, чтобы в лоскутья изрезать сетку охотничьим ножом.

Выстрел саданул откуда-то из прибрежного березняка и сразу отдался резкой болью в левом боку Николая Васильевича. Охнув, он завалился в воду, еще не веря... – «За двух окунишек?..». Полыхнуло в голове кровавое марево и, застлав глаза, перешло в тяжелую дурноту. Чувство войны вернулось отчетливо и, как тогда, в Рогожине проснулся инстинкт самосохранения. Он подволок онемевшую ногу и рывком закинул ее на низкий берег. Ухватившись за торчащие из берега корни, Николай Васильевич подтянулся и упал на траву. Боль притупилась. Лишь кружились перед глазами сосны, и звенело в ушах. Сквозь этот звон хрипло выстервенились голоса:

– Кретин, ты что наделал?!

– Да не в него я... Пугануть хотел только! От воды, видать, срикошетило!

– Вот тебе и срикошетило, сухари запасай теперь!..

Голоса приблизились. Николай Васильевич с трудом поднял голову: «Увидеть бы хоть кто?..». Но те береглись: кружили где-то рядом, шурша прошлогодней листвой.

– Живой он, Витюха, вишь зыркает. Может, в больницу отправим, а?

– В больницу?! В тюрягу захотел? А семью потом кто кормить будет? Сматываемся! Да поскорей ты, охламон!..

Торопливые шаги забухали по тропинке и растворились в шелесте леса. Спустя несколько минут неподалеку заскрежетал, залаял стартер машины.

Николай Васильевич попробовал встать, но земля, вздыбившись, опять швырнула его на мох. «Не дойти», – пришла ясная мысль, и от этой мысли не охватило его ужасом, а только горестью свело, да так, что горше некуда. «Плохо вот так-то, неприбранным уйти. Ждет ведь Настасья. Обидно...».

Николай Васильевич пополз. Оттаявший мох пружинил, и руки зарывались в него, как в губку, насыщенную студеной водой. На тропе в болотистых низинах встречались участки льда, и тогда Рогожин скользил, цепляясь ногтями за выталины, а след от него тянулся, как от раненого зверя. И при виде пролитой крови насторожился лес, захрипел где-то от душного, далеко разнесенного ветром ее запаха вышедший на тропу старый лось, порскнул в кусты заяц-беляк. А на краю приозерной болотины щерился желтозубо волк, словно улыбался. Пупырчатые ноздри тянули запах человеческой беды. Но он был сыт и осторожен. Волк зевнул с тоненьким всхлипом и улегся вылизываться.

Перед глазами Рогожина качались сохлые лишайники на буграх, прошлогодние пали, вновь без конца и края тянулись моховые болота. Исступленный, муторный путь его прерывался все более частыми остановками, когда сил оставалось лишь на то, чтобы вжать в мох

ладони и наполнить их бурой водой. Пить хотелось постоянно. И с подступающей дурнотой не отличал он уже явь от забытья, утро от вечера.

«Стоят... Опять они?! Спокойней, Коля, спокойней – вывороток отростья вскинул. Чертовщина какая-то! Вот стук, опять... Да никак глухарь запел?! Нет, не может он сейчас петь... Не рви душу, прочь!.. Настя, Настасьюшка!...». Рогожин пополз, выхаркивая тягучую слюну с кровью.

Звезды тускнели. И, словно впитывая их, бледно набухала заря. Заседели инеем моховые болота, и в их знобком дыхании зарождался еще один весенний утренник-заморозок.

Старый глухарь нетерпеливо переступил на суку мохнатыми лапами. Он ждал соперника, но ток молчал. Глухарь щелкнул неуверенно раз, другой и тут же поперхнулся. Подавшись к стволу сосны, он по куриному наклонил голову набок и стал всматриваться в чернеющий у дерева бугорок. Птичий глаз уловил легкое его движение. Но время шло, а бугорок больше не шевелился. Совсем неопасно, не нарушая лесной тишины, вдавился он в мох. И глухарь, перестав обращать на него внимание, развернул хвост-веер. «Чок-чок...».

Горловой клетот, учащаясь, вылился, наконец, в ликующий вскрик-скрежет. Звоном ответили инистые кроны сосен, и эхо, раскатившись по борам, угасло в хмуром поутру осиннике...

Защита от ненависти

– Все, реанимацию можно прекратить, бесполезно, – профессор Сизарев отвернулся от экрана монитора. – Это уже полумиллионный труп за какой-то месяц! Бред!

Аппаратуру отключили. Человек лежал в спокойной позе. В сознание он не приходил с момента приступа, и на его лице, покрытом багровыми пятнами, застыло несовместимое со смертью умиротворение. «Так, наверное, в старину варнаки-душегубы отходили после отпущения грехов, – думалось Сизареву. – Нет, этот даже и пикнуть не успел. Шел по улице – хлоп! И мешком на асфальт. Потом, как во всех подобных случаях, – багровые пятна по всему телу и смерть! Смерть, хоть это и парадоксально звучит, гуманная, как если бы кто-то задался целью умерщвлять людей, не принося им мучений... Гм, а ведь вооружен был покойничек – «макаров» при падении из кармана выпал. Зачем он ему?..

В реанимационную вошла сестра.

– Сергей Владимирович, вот данные за последние два часа. Особенно много смертельных исходов в частной клинике Петерсона, с теми же признаками. И в Сиднее у Джоэла...

Профессор безнадежно махнул рукой.

– Спасибо, Татьяна Афанасьевна. За грехи, видать, наши сия напасть. Стыдно вроде бы профессору на Бога уповать, а ничего не остается.

– И еще, Сергей Владимирович. Тут вам второй день подряд звонит странный человек, инженер, кажется. Он утверждает, что первопричина эпидемии ему ясна.

– Еще один непризнанный гений. Объясните ему, пожалуйста, Татьяна Афанасьевна, деликатно. Нет, мол, времени у профессора, люди, гибнут тысячами. Надо как-то их спасать.

– Он, Сергей Владимирович, говорит, что сконструировал какой-то прибор, и сегодня его уничтожит. Чудак, по всей видимости, этот инженер. Говорит, мол, возможности приоткрыть завесу тайны больше не представится никому. Он просит вас к телефону.

– Ладно, все равно не отвяжется. Знаю я этих изобретателей.

Досадливо махнув рукой, он прошёл к телефону и взял трубку.

– Слушаю.

– Сергей Владимирович, только не кладите трубку. Поверьте, я не сумасшедший. Суть болезни открылась мне совершенно случайно, во время работы с моим новейшим микроскопом, не имеющим пока аналогов. Я прошу вас присутствовать на решающем опыте. Вы честный ученый, я знаю. Для меня это немаловажно. И еще. Для опыта нам понадобится пораженная болезнью ткань.

– Как вас зовут?

– Игорь Павлович Родионов.

– Послушайте, Игорь Павлович, я сейчас очень занят, крайне занят. Позвоните, пожалуйста, через недельку.

– Не верите, Сергей Владимирович, жаль... Прибор будет сегодня уничтожен, так надо. Мне, в общем-то, все уже ясно, но хотелось бы уточнить кое-какие детали, чтобы не ошибиться. Жаль. Я, признаться, знал, что все так и будет, но рассчитывал на любопытство, заинтересованность человека, живущего наукой. Может быть, некий авантюризм... Ведь вы еще не стары.

– Гм, договорились. Жду вас в лаборатории. Вас пропустят.

– Буду через двадцать минут.

Профессор, бесцельно побродив по пустынным коридорам клиники, прошел в лабораторию. Из ее окон виднелся кусок парковой аллеи, упирающейся в ворота, которые уже не закрывались. «Скорые» с воем пронеслись по двору, разбрызгивая мутные лужи. «Все везут. Мир, похоже, взбесился, а на дворе обычная осень. Странно, но почему у всех этих несчастных

было оружие? Почти у всех. Здесь есть какая-то закономерность... Ага, вон, кажется, и этот... инженер-спаситель человечества спешит. Хитер-хитер, знал, на что напирать, как заговорил: авантюризм, вы еще не старый...».

По аллее торопливо шел человек в мокром дождевике. Он скользил по раскисшей листве и, стараясь сохранить равновесие, размахивал маленьким чемоданчиком. «Невелик чудо-прибор, – невесело усмехнулся Сизарев. – Да, батенька, дожил. Осталось вот только еще колдуна найти или к шаману на прием записаться, на камлание. Авось выручат». – Профессор уткнулся лбом в холодное стекло.

В дверь постучали.

– Пожалуйста, заходите.

Родионов был на голову выше профессора, небрит и худ. Глаза его, воспаленные и подернутые какой-то нездоровой пленкой, смотрели неотрывно на Сизарева. «Выпивает инженер, – почему-то решил профессор. – Да и полно, нормален ли он? Вот достанет сейчас из саквояжа кирпичик и ткнет по макушке».

– Изучаете? – улыбнулся Родионов. – Начнем, Сергей Владимирович?

– Ну что ж, начнем.

Инженер щелкнул замками и достал из чемоданчика микроскоп, по форме и размеру ничем не отличающийся от обычного. На вопросительный взгляд профессора Родионов усмехнулся.

– Да-да, Сергей Владимирович, прибор не отличается от стандартного микроскопа внешне, но здесь несколько иные принципы, которые допускают увеличение несравненно большее, чем у обычных микроскопов. К тому же, прибор обладает проникающим излучением, подобным рентгеновскому. Фантастика?! Да, может быть, но фантастика реально воплощенная в этом приборе.

Родионов погладил кожу микроскопа.

– Итак, давайте-ка, профессор, материал. Вот сюда, та-а-к... Здесь два окуляра, поэтому искомое мы сможем видеть одновременно. Ткань рассечена... Увеличиваю. Видите, какой зверинец! Удивительно милые создания, а какое изящество форм! Это ведь всем известные микробы. Признайте, Сергей Владимирович, в таком увеличении вы их еще не видели?

– Допустим, Игорь Павлович, но что дальше?

– Дальше? Увеличиваю. Ну, как?

– Какие-то прожилки... Ага – это ткань, оболочка микробов. Все, исчезло. Сплошная муть.

– Подождите-подождите, профессор, увеличиваю.

– Послушайте, коллега, по-моему, это какой-то лунный ландшафт.

– Нет, Сергей Владимирович, это вполне земной ландшафт, но в отличие от того, что я видел, изучая свою, не пораженную болезнью ткань, ландшафт здесь безжизненный. Увеличиваю.

– Игорь Павлович, что это?!

– Как видите, профессор, – поверхность планеты, изрытая громадными воронками; перекореженные механизмы, по всей видимости, – военные; останки людей. Словом, – последствия глобальной войны.

– Это невероятно, чудовищно! Я не верю своим глазам! Как вы все это объясните?

– Подобное я уже наблюдал. И у меня было время подумать. Правда, изучая свою ткань, я видел живых людей, точно таких же, как мы с вами, снующие машины и белые теплоходы, города, не уступающие по красоте нашим земным. Словом, то была копия земной жизни. А сейчас перед нашими глазами, уважаемый Сергей Владимирович, – вероятная модель планеты после страшной войны. Мне кажется... нет, я уверен, что злоба и жестокость, копившиеся с момента зарождения человеческой цивилизации...

– Извините, вы считаете, что злоба и жестокость материальны?

– Да, так же, как и страдания, боль, испуг, мучившие веками людей. Все это копилось, концентрировалось в пространстве тысячи лет. Ведь люди удивительно изошренны в мучительстве себе подобных! Ничто в этом мире не исчезает бесследно. И поэтому наступил момент, когда раненая, полузадушенная злобой и отбросами промышленности субстанция, именуемая природой, решила защищаться от невиданного умного зверя, который уже окреп настолько, что посягнул на незыблемость законов мироздания. И природа не стала мудрить, создавая микробов-мутантов. Она слишком рациональна для этого. Природа просто скопировала человечество и, уменьшив его в миллионы раз, поселила в людей в качестве некоего предохранителя. И страшной заразы нельзя было придумать! Я вам не сказал еще про одно обстоятельство, которое, как ни странно, никого не насторожило. Все умершие пациенты при жизни были здоровы, но агрессивны и честолюбивы не в меру. Это я выяснил точно. И смерть их подстерегала лишь тогда, когда присущая им агрессивность формировалась в конкретный замысел, будь то убийство человека или чудовищный проект, заранее обрекающий живую субстанцию на вымирание. Последние два случая подтверждают это. Опасный вооруженный преступник, давно разыскиваемый милицией, и обычный чиновник по водным ресурсам – какая здесь связь? Я выяснил: и тот и другой принесли бы большие беды, осуществи они задуманное. Итак, моя точка зрения: при возрастании агрессивного потенциала или разработке преступного проекта исполнители-маньяки чувствуют легкое недомогание – предупреждение. Благогатная среда уже создана – злоба буквально висит в воздухе и пропитывает наши клетки. А едва замысел перейдет в конкретное его воплощение, как следуют цепная реакция и взрыв, смерть!

– Это спорно, Игорь Павлович, но близко к истине и чудовищно, чудовищно!

– Да, профессор, это спорно, и, чтобы не спорить, я сделаю сейчас вот так...

Родионов взял микроскоп и подошел к массивному сейфу с ядами.

– Игорь... – начал было Сизарев, но было поздно. Микроскоп разлетелся на куски.

Инженер тщательно потоптался на осколках и, собрав металлические части, швырнул их в открытый чемоданчик.

– Сергей Владимирович, веник бы сюда.

– Родионов, но ведь это же убийство! Это новые и новые жертвы, много жертв! В наших руках был ключ к разгадке.

– А нужна ли она, эта разгадка, доселе безмятежному, а теперь отчаявшемуся живому существу, которое мы называем Землей? Самооборона от убийцы – не убийство, Сергей Владимирович. Каждый волен защищаться, как может.

Безумная Софья

«Иж» прокатился еще несколько метров по лесной дороге и остановился, уткнувшись в обочину. В наступившей внезапной тишине открылись обычные осенние звуки. Шумел лес, и было слышно, как падают сухие листья в дрожащем на ветру осиннике. Река, кажется, была рядом. Это было видно по слабым просветам среди густолесья. Словно бледный лик пытался проглянуть сквозь ветви облетающих дубов и кленов. В сторону реки тянулась узкая тропинка, местами перебитая упавшими травами.

– Нам туда, – махнул рукой Андрей, отирая пот, струящийся из-под шлема.

– Ты бы хоть каску снял, – замечаю.

– Я бы еще противогаз напялил, дымишь как паровоз... Что с мотоциклом? На днях перебирал, карбюратор новый поставил. Должно быть все – чики-чики... А он на ходу вырубился, будто зажигание отключили.

– На месте глянем. Хоть к берегу выбраться...

Мы вытолкали мотоцикл на тропинку и, поскальзываясь на сырых листьях, покатали его к реке. Вскоре лиственный лес стал темнее и гуще, переходя в черный ельник, где стало уже темно, как поздним вечером. А реки все не было. Она словно отодвигалась от нас, хотя по нашим расчетам должна находиться рядом.

Заморосил дождь, шурша по жухлой траве. А впереди и просвета не было видно, только белесый туман стелился под елями, переползая через тропинку. Но будто бы слабый свет стал виден за этим туманом и блестящими от дождя деревьями. Определенно, это был свет, но только сумеречный и колеблющийся, не похожий на прогалину по руслу реки.

– Костер что ли запалили? – почему-то шепчет Андрей.

– Чего ты, шепотом?..

– Не знаю. Место какое-то странное. Был здесь не раз, а все по-другому.

– По осени всегда так, когда листья опадут. Зимой вообще не узнаешь, – почему-то шепчу и я.

– Так-то так...

Деревья словно отодвинулись, и перед нами открылась поляна, на краю которой стоял темный сруб с провалившейся крышей. Дом казался совсем нежилым, но маленькие оконца и поляна перед срубом освещались керосиновой лампой, которая стояла на подоконнике. Около лампы сидел большой носастый кот с кисточками на ушах и внимательно следил за нашим приближением. Блеснув яркими в свете лампы глазами, словно включив дальний свет, он спрыгнул куда-то вглубь дома. И сразу в оконце возник темный силуэт женщины в накинutom простом платке.

– Доложил он ей, что ли? Секьюрити хвостатый, фейс контроль, – толкнул меня Андрей, хрюкнув в кулак.

– Так здесь вообще классика... Баба Яга, кот, избушка на курьих ножках. Ворона только не хватает.

– Вон сидит, – махнул рукой Андрей, показывая на раскоряченную сухостоину, белеющую в сумерках.

И точно: на фоне выбеленного ветрами ствола был виден настороженный ворон, пригнувшийся и взъерошенный от дождя. Сверкнув глазом, он шумно снялся и полетел в ельник. «Крон...кх, кру-ун», – послышалось уже в лесу раздраженное и хриплое, как с простуды.

– Чего птичку побеспокоили? Сидела себе, не мешала... Ходят тут по лесу..., – послышалось от дома ворчливое. – Чего в тепле не сидится, чего все ищите?..

Мы подошли к полуоткрытому оконцу. Из него строго глядела крупная и по-мужски широкоплечая старуха.

– Если что промышляете по воровскому делу, то здесь брать нечего. И деревни рядом нет. Что плохое за душой имеете, так я сама отпор дам, мало не будет, – она показала мосластые кулаки, перевитые жилами. – И ружье имеется.

– Нам бы только к реке выйти. Заблудились, кажется. Вроде, и место знаем, а найти не можем подход к воде.

– Знаете-знаете... Лукавое это место, не простое, теряющееся и заговоренное. Всякий раз новое. Рыбаки, что ли?

– Да, бабушка.

– Бабушка... Внучата... Софья меня зовут.

– А по отчеству?

– Хватит и Софьи. Ладно, Андрюшка и Алексашка, провожу я вас. Вижу, просто побездельничать приехали, рыбалкой балуюсь, да водки попить. И не смотрите дураками, вижу я вас насквозь, еще там увидела, когда на дороге встали. Да и встали то не случайно... Это я уж просто так выпрашивала, для формы.

– Софья, вы, кажется, за детей нас держите. Двадцать первый век на дворе. Ведьмаки и ведуньи сейчас в город перебрались, лохов разводить. Если не секрет, как имена-то наши узнали? Из поселкового совета Палыч эсэмэс скинул?

– Лесной дядя шепнул. Верьте-не верьте, ваше дело... Главное, в лесу не гадыте и на реке. Иначе и ваш Палыч не поможет, пузан сладкоречивый.

– А вы-то здесь что делаете, Софья? Одна, в лесу? До поселка не близко. Что-то и есть ведь надо. Да и жилье у вас совсем разваливается.

– Сыночка я своего тут жду. Ушел на рыбалку, и что-то долго нет его. Придет, кровинка моя, а там и крышу починит. Он у меня все умеет, самостоятельный. Заигрался, наверное, на реке. А потом и квартиру нам дадут за это жилье. Вот потому и живу здесь, охраняю, чтобы потом в квартире нам с Леней-сыночком спокойно пожить. Дадут ведь, нам квартиренку-то, мужики, а? – Софья наклонила голову, и глаза ее остановились невидяще где-то за нами. «Ленечка ты мой, дадут нам с тобой квартирку, заживем. Еще как заживем, хороший мой... Ты главное там у воды поосторожней и домой поспешай...Заждалась я».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.